

Экономика и «направление» некрасовского «Современника»

1

Вопрос о том, какой была концепция некрасовского «Современника» в первый период его издания (до прихода Чернышевского), остается не решенным. Каким Некрасов представлял себе новый журнал, начиная издание? Очевидно, что рассчитывать на умирающего Белинского он не мог, способность же самого Некрасова придать журналу целостное и передовое «направление» вызывала сомнение у его современников. Григорович, например, писал: «Главный недостаток редакции состоял в том, что не было у нее настоящего главы, настоящего руководителя. Некрасов был, бесспорно, умнее всех нас в практическом отношении, но этого было еще недостаточно; ему недоставало образования настолько, чтобы вести как следует такое предприятие. Он не знал ни одного иностранного языка и не был вовсе знаком с иностранною литературою...»¹ Как известно, еще враждебно настроенные критики «Физиологии Петербурга» и «Петербургского сборника» выражали сомнение в способности и праве Некрасова отбирать и редактировать художественные произведения².

Кажется, что эти сомнения подтверждаются объективными фактами. «Современник» второй половины 40-х — начала 50-х годов производит впечатление достаточно разношерстного и эклектичного журнала и в эстетическом, и в идейном плане. В последней по времени работе, посвященной этой проблеме, мы видим попытку именно в такой «эклектике», названной «особенной широтой литературно-общественной позиции», увидеть концепцию издателя и редактора «Современника»: «Основой замысла некрасовского “Современника” стало утверждение особенной широты литературно-общественной позиции. Литературная обстановка требовала, чтобы это был журнал свободный — и от торговой стороны литературы <...> и от узости идейно-политической ориентации <...> и от партийно-литературной ограниченности»³. По сути дела, это означает все-таки отсутствие у Некрасова не

¹ Григорович Д. В. Литературные воспоминания. М., 1987. С. 110.

² Например, см.: Я. Я. (Л. В. Брант) «Физиология Петербурга» (часть вторая) // Северная пчела. 1845. № 235.

³ Кошелев В. А. Из истории полемики вокруг первых статей некрасовского «Современника» // Некрасовский сборник. Х. Л., 1988. С. 13.

только «направления», но и каких-либо критериев отбора материала. Между тем такие критерии, с помощью которых поддерживалось «направление» «Современника», у Некрасова существовали. Но в отличие от В. Кошелева, в поисках направления журнала обращающегося к анализу материалов, опубликованных в журнале в первые годы его существования, мы обратимся к тем обстоятельствам, которые сопутствовали его изданию.

В глазах современников Некрасов не мог сформировать направление журнала прежде всего потому, что он являлся только предпринимателем, озабоченным выгодой и способным руководить только «материальной частью» журнала. В своих мемуарах П. В. Анненков особенно выделяет коммерческую сторону интересов Некрасова и Панаева: «Последние уже давно искали самостоятельной издательской деятельности и пробовали ее не раз — выпуском альманахов и сборников, но тут представлялся случай к основанию уже большого предприятия — нового периодического издания. Материал Белинского мог бы служить ему на первых порах готовой поддержкой. Тогда и возникла мысль о приобретении старого, пушкинского “Современника”»⁴. В. П. Боткин так описывает обязанности редакторов начинающегося журнала: «Фонд “Современника” состоит из 35 тысяч Панаева и 35 тысяч Толстого. Редакторы — Никитенко, Панаев и Некрасов. Первый — для ограждения от цензурных хлопот, последний заведывает всю материальной частью, а второй будет писать повести да раскладывать на своем столе иностранные журналы и тем придавать себе немалую важность»⁵.

Очевидно, что экономическая конъюнктура играла немаловажную роль в решении Некрасова издавать «толстый» журнал. Нельзя не признать и то, что, действительно (и об этом свидетельствуют его письма начального периода издания «Современника»), первое время в поле его зрения почти исключительно находятся материальные аспекты издания. В этом, однако, нет противоречия с концепцией, «направлением». Наоборот, сама экономическая логика неизбежно приводит Некрасова к некоторой «концепции», экономическая стратегия порождает стратегию идейную и даже эстетическую, перерастает в них.

То, что цель издания «Современника» была преимущественно коммерческая, не только не смущало, но вызывало одобрение многих литераторов круга Белинского–Герцена. Наиболее последовательно его выражал В. П. Боткин, вообще ставший тогда прямо-таки на экстремистски прагма-

---

⁴ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 272.

⁵ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. М., 1984. С. 256.

тические позиции. С его точки зрения, появление некрасовского журнала именно тем и значимо, что превращает литературу в материально выгодное занятие. В уже цитированном нами письме П. В. Анненкову 20 ноября 1846 года будущий эстетический критик пишет: «Краевский оставлен всеми и желтеет от злости. Конкуренция явилась страшная. Краевский дает большие деньги за малейшую статью с литературным именем. Недавно за пол-листа печатных стихотворений Майкова заплатил он 200 руб. сер. Это все наделало появление "Современника". Видите, законы промышленности вошли уже в русскую литературу, а ведь это сделалось на наших глазах; за десять лет об этом слуха не было. Значит, литература уже есть сила. Теперь даже с небольшим дарованием да с охотою к труду можно жить литературными трудами, то есть можно выработать себе до 3 или 4 тысяч в год. И это факт непреходящий. Явившись раз, он уже останется навсегда. Теперь "Библиотека для чтения" и "Отечественные записки" имеют, каждый, до 4 тысяч подписчиков; этого за пять лет не было; да еще «Современник» является на сцену»⁶. Сделанное им предсказание, конечно, оказалось ошибочным: «Два первые журнала выиграли особенно тем, что печатали у себя томы романов. «Современник» пойдет по другой дороге; а так как он не столько будет относиться к *gros public*, сколько к избранной публике, то ему долго нельзя будет надеяться на обеспеченное существование. Да и редакция не думает наживать деньги, а лишь бы окупилась расходу, а 1200 подписчиков только что окупают их»⁷.

Нежелание многих участников «Отечественных записок» окончательно порвать с ними и перейти полностью в новый журнал объясняется тем, что они видели, подобно Боткину, смысл появления «Современника» в стимулировании журнальной конкуренции, полезной для литературы, а не в уничтожении Краевского⁸. Кроме того, само появление его в глазах очень многих оправдывалось вовсе не необходимостью нового прогрессивного издания, но возможностью дать Белинскому улучшить материальное положение, обрести «свой» журнал⁹. Все это говорит о том,

---

⁶ Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 256.

⁷ Там же. С. 257.

⁸ См. об этом, например: Галахов А. Д. Записки человека. М., 1999. С. 221.

⁹ Разговоры о необходимости создать журнал для Белинского, где он мог бы получать те же 6 тысяч, что и у Краевского, но «прямо», велись еще в начале 1845 года (Летопись жизни и творчества Н. А. Некрасова. Т. 1. 1821–1855. С. 170).

что именно экономические условия возникновения некрасовского «Современника» и его существования в первые годы должны стать предметом рассмотрения в поиске некрасовской «концепции». Иначе говоря, для решения нашей задачи необходимо понять, что представлял собой «Современник» и как коммерческое учреждение (экономические отношения между издателями и авторами) и как товар (отношения между журналом и покупателями-читателями)¹⁰.

2

Важнейшее отличие журнала от прежних издательских проектов Некрасова (альманахов и книг) заключается в долгосрочности этого предприятия, предполагающего временной разрыв между уплатой покупателем денег и получением им товара. За это время деньги не должны ни сильно подешеветь (что невыгодно издателю), ни резко подорожать (что невыгодно подписчику, который должен в таком случае быть склонен не тратить, а хранить деньги). Иначе говоря, необходима стабильность и отсутствие инфляции. Другое условие для успеха журнала — наличие механизмов не только распространения товара, изготовляющегося в одном месте и доставляемого во многие другие (что необходимо издателю), но и гарантий его доставки или возврата денег в случае недоставки (что необходимо подписчику)¹¹. Типологически издание журнала подобно деятельности комиссионерской конторы, занимающейся рассылкой товаров заказчикам. Поэтому закономерно то, что новый «Современник» возник одновременно с новой комиссионерской конторой, открытой знакомыми Некрасова и Белинского М. А. Языковым и Н. Н. Тютчевым («Языков и Тютчев открыли контору комиссионерства, для этого Языков внес 15 тысяч

---

¹⁰ Эта важнейшая сторона «Современника» практически не освещена. Единственная известная нам работа, посвященная данной проблеме: *Мельгунов Б. В.* Журналы Некрасова как коммерческое предприятие // Средства массовой информации в современном мире: Тезисы научно-практической конференции. СПб., 2000. Но она представляет собой только краткие замечания к теме вместе с указанием на связь «Современника» с конторой Языкова и Тютчева.

¹¹ Все экономические утверждения, делаемые в этой работе, находятся в рамках неоклассической парадигмы (теории «спроса и предложения», «маржиналистской» и т. д.). При этом они настолько просты, что являются прописными истинами этой парадигмы. Потому проверить их можно по классическому учебнику: *Samuelson P. A., Nordhaus W. D.* Economics. Irwin, 2004.

руб. сер. обеспечения и записался в купцы первой гильдии. Контора открыта с октября, и со временем будут они иметь успех. Разумеется, для этого нужно время и приобретение доверенности. А мы на Руси все хотим наживать капиталы в неделю»¹² — из письма В. П. Боткина П. В. Анненкову 20-го ноября 1846 года).

Возможно, замысел Некрасова издавать журнал находился в прямой связи с решением Тютчева и Языкова открыть комиссионерскую контору. Она стала конторой журнала — через нее осуществлялись подписка на «Современник» и рассылка его подписчикам. Поэтому в журнале вместе с объявлениями об издании «Современника» печатались извещения о деятельности и услугах комиссионерской конторы. В объявлении «Современника» «<От редакции>» (напечатано в первом же номере некрасовского «Современника») говорится: «Всякое полезное учреждение имеет полное право воспользоваться средствами дарованной отечественным журналам публичности, и потому мы считаем долгом сказать несколько слов о конторе агентства и комиссионерства, при которой открыта контора нашего журнала. Занятия конторы и условия, на которых она принимает выполнение возлагаемых на нее поручений, подробно изложены в первоначальном объявлении конторы; не следя за ним слово в слово, мы, с своей стороны, познакомим читателей только вкратце с его содержанием» (13, 1, 50). Сам Некрасов в журнале рекламировал деятельность конторы (в частности, в фельетоне 1847 года «Выбранные места из приятельских писем» (12, 1, 279–288)).

Названные выше условия, необходимые для того, чтобы журнал мог стать коммерческой реальностью, сводятся, по сути, к одному. Успех и комиссионерской конторы и «Современника» зависит от состояния кредита как экономического и правового института. Именно на развитие кредита как на один из тех полезных результатов, который принесет стране контора Языкова и Тютчева, указывается в редакционном объявлении в «Современнике»: «Каждое учреждение, способствующее к введению частного кредита в делах и вместе с тем к оживлению коммерческих сношений, достойно полного внимания и одобрения со стороны публики, а учрежденная г. Языковым контора носит на себе, как видят читатели, по преимуществу такой характер» (13, 1, 51). В журналистском языке того времени слово «кредит» часто заменяет собой понятие репутации. Так, Белинский пишет в письме Боткину 22 апреля 1847 года: «Кредит Краевского падает со дня на день;

---

¹² Боткин В. П. Литературная критика. Публицистика. Письма. С. 258.

недаром он поседел, как лунь. Его раскусили»¹³ (12, 359). При этом под кредитом понимали и репутацию, но и в буквальном смысле финансовую состоятельность того или иного издания. Экономическое положение журналов становилось периодически предметом публичного обсуждения. Так было в произошедшей в 1846 году перепалке Краевского с Булгариным, стремившимся бросить тень на «Отечественные записки». В статье А. А. Краевского «Объяснение по нелитературному делу» по поводу инсинуаций Булгарина говорилось: «Мы решились теперь уже в последний раз объяснить перед всею читающею русскою публикой, потому что последняя ложь г. Булгарина устремляется не на литературное достоинство “Отечественных записок”, а касается прямо личных и собственных дел издателя этого журнала и направлена к уничтожению в публике доверия к его честности и (говоря коммерческим словом) состоятельности»¹⁴. Обвинения Булгарина, на которые отвечает Краевский, были очень серьезными с экономической точки зрения: «Журнал этот (т. е. «Отечественные записки». — М. М.) продается во всех городах России, где и через сто лет не будет книжных лавок, и каждый продавший десять экземпляров получает одиннадцатый экземпляр даром с уступкою притом процента за десять проданных. Ловко и смышлено, нечего сказать»¹⁵. По словам Краевского, Булгарин стремится любыми путями подорвать доверие публики к «Отечественным запискам» не столько как к литературному институту, сколько как к экономическому предприятию: «Всем известно, что г. Булгарин *ежегодно перед началом подписки* умолял публику не подписываться на ненавистный журнал; когда же не действовала просьба, грозил, что читатели раскаются, подписавшись на него; когда же и угроза не брала, начинал выклеивать все промахи, все опечатки, неизбежные в таком большом издании, не щадил никого — ни редактора, ни сотрудников, ни корректора, ни даже типографских наборщиков; начинал доказывать, что этого журнала никто не читает, справлялся (как сам же говорил) в газетной экспедиции о числе подписчиков на “Отечественные записки”, уверял, что и за бумагу-то, и за печатание-то “Отечественные записки” должны бумажному фабриканту и типографии, — словом, входил во все домашние дела редакции...»¹⁶

---

¹³ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 640.

¹⁴ Некрасовский сборник. X. С. 189–190.

¹⁵ Северная пчела. 1846. № 224.

¹⁶ Некрасовский сборник. X. С. 189.

Таким образом, перед некрасовским «Современником» в первые годы его существования стояла двойственная задача: обрести и устойчивую репутацию, и финансовую состоятельность, то есть кредит во всей полноте этого слова. От кредита зависело издание «Современника» и в другом отношении. Некрасов, как известно, не имел состояния и не вложил в журнал денег. Этим он отличался, например, от Краевского или, тем более, Смирдина¹⁷. Изначально он сам зависит от такого финансового института, как кредит. Наиболее подробно о тех условиях, в которых Некрасов начинает издание журнала, сообщает А. Я. Панаева. Как мы уже говорили, ее мемуары, безусловно, часто недостоверны, но именно сообщая о планах и замыслах самого Некрасова, она достаточно точна. Некрасовские способность и готовность добывать кредит, его зависимость от займов Панаевой упоминаются не раз: «Белинский и Панаев сильно уверовали в литературную предприимчивость Некрасова после издания им “Петербургского сборника”, который быстро раскупался. Оба они знали, какими ничтожными деньгами он предпринял это издание и как сумел извернуться и добыть кредит»¹⁸. Принципиально важную роль играет кредит и для решения издавать «Современник», принятого в имени Григория Толстого в июне 1846 года:

— Ну теперь рассчитывать на даровой материал не следует, — сказал Некрасов. — Да не в этом дело, а в том, что без денег нельзя начинать издания.

— А много ли нужно для начала? — спросил Т<олстой>.

Некрасов стал считать, во что должна приблизительно обойтись каждая книжка журнала.

— За печать и бумагу, — прибавил он, — можно уплачивать половину каждый месяц, а остальную часть перевести на следующий год.

— А если подписка на журнал на следующий год будет плохая, чем же уплачивать долг? — заметил Панаев.

— Почему же не рассчитывать на успех журнала, если добросовестно издавать его и если все литературные друзья Белинского приложат свои старания? Риск — дело благородное, потребность к чтению сильно развилась за последние годы»¹⁹.

---

¹⁷ Впрочем, Д. В. Григорович говорит в своих воспоминаниях о заимствованиях, к которым также был вынужден прибегать Краевский для издания «Отечественных записок» в начале 40-х годов (*Григорович Д. В. Литературные воспоминания*. С. 112–113).

¹⁸ Панаева А. Я. Воспоминания. М., 1956. С. 153.

¹⁹ Там же.

В мемуарах Панаевой сообщается, что решение принимается, в конечном счете, именно из-за готовности рассчитывать на кредиты: «—Разве хватит таких денег? — обратился Панаев с вопросом к Некрасову.

— Хватит, хватит! — ответил тот. — Кредитоваться будем»²⁰.

Таким образом, издание изначально предпринималось в кредит, в долг, в надежде «будущих благ», как выражались Некрасов и Белинский. Например, Белинский характеризует финансовое положение «Современника» в письме Боткину 4–8 ноября 1847 года как определявшееся долговыми обязательствами Некрасова: «Теперь время подписки. Первый год не окупился, и если не прибавится целой тысячи подписчиков новых (предполагая, что 2000 старых останутся), беда еще будет не в том только, что Панаев ничего не получит и на другой год, а Некрасов еще год будет существовать в долг, в надежде будущих благ, но и в том еще, что надо будет съежиться, ибо на прежнем широком основании издавать уже не будет никакой возможности. Надо будет думать не о будущем успехе, а об уравнивании расходов с приходом, для этого надо будет убавить число листов и установить новую плату сотрудникам (за исключением немногих), например хоть сравнять с платою “Отечественных записок”. А это убьет всякую возможность подняться в 1849 году, ибо основательно принято будет за упадок журнала»²¹ (12, 413). О том, что такая зависимость от кредитов сохранялась, как минимум, до середины 50-х годов, свидетельствуют воспоминания Чернышевского. Он описывает первый разговор с Некрасовым, в котором редактор изложил финансовое положение журнала: «Существенные черты тогдашнего положения “Современника” были: он обременен большими долгами за прежние годы издания <...> Расходы по изданию едва покрываются с году на год подпискою; да и то лишь при помощи кредита: те из расходов, которые имеют коммерческий характер, производятся в долг, с уплатою из подписки следующего года»²².

Эти обстоятельства тесно связывают возможность реализации некрасовского замысла с общеэкономической ситуацией в стране, сложившейся в этот период. Как известно, проблема кредита — одна из важнейших и болезненных проблем российской экономики в 30–40-е годы, которую пытался решить министр финансов Е. Ф. Канкрин²³. Предпринятая им денежная

²⁰ Панаева А. Я. Воспоминания. С. 154.

²¹ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 7. С. 664.

²² Некрасов в воспоминаниях современников. М., 1971. С. 132.

²³ О канкринской реформе см., например: Семенкова Т. Г., Семенов А. В. Денежные реформы в России в XIX веке. СПб., 1992. С. 55–67.

реформа, в результате которой бумажные деньги (ассигнации) были сначала девальвированы, а затем заменены государственными кредитными билетами по курсу 360 билетов за 1 серебряный рубль, завершилась в 1843 году и на некоторое время вернула доверие к бумажным деньгам как долговременному средству расчетов и платежей. Само название новых бумажных денег говорит о том, что именно развитие кредита было для министра финансов важнейшей целью реформы²⁴. Эти достижения, безусловно, стали важной экономической предпосылкой и для издания журнала, и для создания «союзной» ему комиссионерской конторы²⁵.

Однако полностью цели реформы достигнуты не были. Канкрин, как известно, ничего не сделал для развития частного кредита, наоборот, был его последовательным противником²⁶. Не поощрялось и не возникло частных кредитных учреждений, в государственном же банке взять кредит было практически невозможно (во всяком случае, для Некрасова), долговое законодательство было очень неясным. Не было создано четких механизмов возвращения денег (точнее, в значительной степени они оставались архаическими и основанными на конкретных, единичных договоренностях). Отсутствие же кредитных институтов (коммерческих частных банков) и устойчивых механизмов возвращения долгов (кредитного законодательства) приводило, во-первых, к сложности получения кредита, во-вторых, к его дороговизне²⁷. Тем не менее получить кредит было возможно. Несколько упрощая, опишем существовавшие в то время формы и институты кредита.

В отсутствие частных коммерческих банков и практической невозможности получить заем в государственном банке иначе как под залог крепостных или земли, кредит преимущественно носил «личный» характер. Существовало два возможных вида такого кредита, при которых по-разному решались проблемы, связанные с гарантией его возвращения. Первый —

---

²⁴ Об этом см.: Мельникова А. С., Уздеников В. В., Шиканова И. С. Деньги в России. История русского денежного хозяйства с древнейших времен до 1917 г. М., 2000; Белоусов В. Д., Чеченов А. А., Мерзляков И. П. Деньги России: исторические и теоретические аспекты. Нальчик, 1998.

²⁵ Вообще описание связи между канкринской денежной реформой 1839–1843 гг. и развитием журналистики в России, возникновением и укреплением роли журнала в русской культуре — перспективная задача.

²⁶ Семенкова Т. Г., Семенков А. В. Денежные реформы в России в XIX веке. С. 55–67.

²⁷ Гурьев А. Очерк развития кредитных учреждений в России. СПб., 1904.

«формальный», основанный на долговом обязательстве, то есть векселе. В этом случае обеспечением возврата служит заверенная нотариально бумага. Эта бумага дает возможность в судебном порядке требовать возвращения долга и наказания несостоятельного должника. При этом и сам вексель является подобием денег, поскольку может быть учтен, то есть обменен на деньги другому лицу (не самому должнику), однако, обычно с дисконтом (на меньшую сумму, чем в нем указано). Второй вид кредита — ростовщический, основанный на залоге и связанный с чрезвычайно высокими процентами. В этом случае обеспечением возврата денег становится находящийся у кредитора предмет, который может быть продан в уплату долга.

С точки зрения надежности, по тому, что кредитор получает в качестве обеспечения и временного эквивалента одолженных денег, эти институты различаются существенно. Ростовщик твердо уверен в том, что деньги его не пропали, поскольку получает за них твердую вещь, предмет, чаще всего стоящий дороже выданной суммы. Такой кредит часто изображается в произведениях Некрасова, например, во фрагменте «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (1856): «Деньги ссужала она (*Художественная нату́ра*. — М. М.) с большим трудом, малыми суммами и притом не иначе как под верные залого, взимая изрядные проценты» (8, 424). Вексель же в условиях отсутствия ясных и строгих законов о банкротстве и выплате, урегулировании долговых обязательств представляет собой бумагу эфемерную, можно сказать, еще более эфемерную и неустойчивую, чем бумажные деньги в период инфляции. Как будет существенно позже (16–17 марта 1862 года) писать Некрасов И. А. Пиотровскому: «Вас, как и многих, ввели в заблуждение слухи о моих выигрышах. Да, я выиграл очень много — *вексельной бумаги*, а наличных денег у меня нет — какие и были, я по слабодушию роздал...» (14, 2, 171–172). Векселя было учесть чрезвычайно трудно, и дисконт был очень высоким. Судебная процедура заканчивалась описью и продажей имущества должника и его тюремным заключением (но практически никогда — возвращением полной суммы долга). Ср., например, в романе «Три страны света» (1848–1849): «А теперь он может еще все поправить, согласив кредиторов переписать векселя и назначить более продолжительный срок платежа по ним, на что кредиторы, конечно, волею или неволею, согласятся, зная последствия несостоятельности, всегда невыгодные для кредиторов» (9, 2, 32). С точки зрения стоимости оба эти вида кредита крайне неудобны: ростовщический кредит слишком дорог для должника, вексельный — слишком дешев для кредитора.

Очевидно, что обе эти формы займа были непригодны в случае Некрасова. Ростовщический относился к самым низшим, унижительным формам его, касался небольших сумм (как в «Преступлении и наказании») и был совершенно невозможен для издателя солидного журнала. Вексель на долгий срок («в ожидании будущих благ») было получить крайне трудно особенно в такой ситуации, в какой находился Некрасов, человек без начального капитала и имущества, которое можно было бы описать и распродать²⁸. Можно сказать, что и тот, и другой тип кредита неудовлетворительны и в моральном, психологическом плане. Они создают сложные проблематичные отношения между должником и кредитором, ставят должника в ситуацию личной зависимости от кредитора, создают атмосферу недоверия между тем и другим. Такая ситуация превращала кредитора или в благодетеля, или в кровопийцу, практически не оставляя моральной альтернативы.

Таким образом, и экономическая ситуация в стране, и положение самого Некрасова требовали поиска альтернативных путей получения и обеспечения кредита. Подобным поиском занимались и владельцы комиссионерской конторы Языков и Тютчев. В цитированном объявлении в «Современнике» говорилось следующее: «В заключении обращаем внимание читателя на следующие два обстоятельства. Первое, что процент в пользу конторы за исполнение поручений назначен г. Языковым менее, чем в прежде существовавших конторах <...> Второе, что г. Языков при учреждении конторы внес 15 000 рублей сер. залога. Прежние конторы действовали без всякого залога, и корреспондент должен был вверять свои деньги комиссионеру, лицу вовсе ему не знакомому и в благонадежности которого он не имел никакого вещественного ручательства. Теперь корреспонденту дела нет до личности комиссионера. Высылая деньги по почте, корреспондент знает, что его собственность и выгоды совершенно ограждены и что сохранность и исправное употребление сообразно с его собственным указанием высылаемых им денег вполне обеспечено залогом комиссионера».

---

²⁸ Мы не хотим сказать, что Некрасов не брал кредиты под векселя у частных лиц. Свидетельства этому есть в его письмах. В частности, в письме И. С. Тургеневу 9 января 1850 года он пишет: «Ранее сегодняшнего дня я их (денег. — М. М.) выслать не мог, ибо какие были, теми уплатил по векселям...» (14, 1, 129). Однако очевидно, в том числе из приведенной цитаты, что векселя эти срочные и на суммы, недостаточные для издания журнала.

(13, 1, 50). Залог, внесенный комиссионером в государственный банк, становится гарантией либо получения клиентом заказанного товара, либо возврата денег.

Для Некрасова такой альтернативой существующим формам кредита становится долг, который можно было бы назвать дружеским, основанным на связях внутри круга Белинского-Герцена. Кредит, предоставляемый Некрасову, чаще всего имел характер приятельского займа. Такой заем был ему предоставлен на издание «Петербургского сборника» тем же Языковым. Некрасов писал в письме А. А. и Г. С. Буткевичам 19 октября 1845 года: «Затеял предприятие (имеется в виду «Петербургский сборник». — М. М.) в 10 тысяч, имея только четыре, и всякую копейку, какая есть, принужден отдавать на бумагу, на печать, на картинки и на всякие другие принадлежности. Все это изготвится только к генварю, и тогда только начнутся деньги, то есть законное вознаграждение за труд и за риск. Впрочем, дело идет успешно, потому что я принял к себе в долю по этому предприятию г. Языкова, своего короткого знакомого, имеющего капитал, и чего недостает денег, беру у него, разумеется, в ожидании будущих благ, которые, впрочем, очень верны» (14, 1, 53–54). Очевидно, что такие отношения продолжались и в начальный период издания «Современника».

«Дружеский» характер имели займы, обещанные Григорием Толстым, 15 тысяч внесенные на издание «Современника» Панаевым, 4000 рублей, предоставленные А. И. Герценом²⁹, заем в 5000 рублей, предоставленный Натальей Захарьиной-Герцен³⁰, 2000 рублей, позднее ссуженные В. П. Боткиным. К. Т. Солдатенков, предприниматель, близкий к московским кругам, связанным с традициями Белинского и Герцена, в 1855 году предоставил Некрасову заем в 3000 рублей по рекомендации и при посредничестве Грановского³¹. Очевидно, что именно такие кредиты помогали Некрасову поддерживать журнал на плаву. Мы можем сказать, что кредит в «Современнике» осуществлялся и путем отсрочки уплаты гонорара до того момента, когда положение журнала станет более твердым, когда будет получена прибыль от продажи очередного номера или от подписки. Просьбы повременить с выплатой гонорара изобилуют в письмах Некрасова практически ко всем сотрудникам. Приведем несколько примеров таких просьб и извинений за вынужденную отсрочку. Письмо А. В. Никитенко (3 октября 1848 года):

---

²⁹ Об этом см. в письме Некрасова к В. П. Боткину от 11 апреля 1847 года (14, 1, 69–70).

³⁰ В октябре 1846 года. Об этом см.: Русская мысль. 1904. № 10. С. 42.

«Я обещал Вам уплатить 300 рубл<ей> сер<ебром>... <...> Если Вы можете подождать до этого срока, то чрезвычайно меня обяжете» (14, 1, 112–113). Даже Тургеневу, очень важному для журнала автору, Некрасов задерживает выплаты гонораров. В письме 27 марта 1849 года он пишет: «По тону Вашего письма видно, что Вы сердитесь — за что? неизвестно! Думаю, за то, что деньги Вам высланы 10-ью или 15-ью днями позже, чем Вы ожидали. На это должен я Вам сказать, что 1) у нас запасных денег нет, 2) что мы имеем долги, 3) что если Вы позволяли себе быть иногда должным мне, то почему же я не мог позволить себе в нужде и в крайности отсрочить высылку Вам денег двумя неделями?» (14, 1, 117) В письме А. Н. Афанасьеву (ноябрь 1849 года) очень откровенно описана эта система кредита: «Вы ко мне не пишете и статей не шлете — вероятно, сердитесь, что я Вам не шлю денег, вопреки своему обещанию. Поверьте, я об этом думал, да никак не собрался с силами. Такова уж моя участь, что покуда к концу года приходится надувать сверх всякого желания. Деньги Ваши будут мною Вам заплачены при первой возможности...» (14, 1, 125). Еще одно откровение о внутриредакционных долгах сотрудникам встречаем в письме Некрасова М. С. Куторге 16 мая 1850 года: «Я принужден просить Вас всепокорнейше подождать следующие Вам за статью “История папск<ой> власти” деньги до 15-го числа июня. Мне прискорбно, что я не могу быть в отношении к Вам столь же аккуратен, как вы ко мне, но делать нечего...» (14, 1, 137). Такие специфические кредитные отношения пришли на смену тому социалистическому решению финансовых проблем, которое было принято при издании «Петербургского сборника»³² («Теперь рассчитывать на даровой материал не следует», — говорит Некрасов в «Воспоминаниях» Панаевой).

В сравнении с формальным и ростовщическим типами кредита дружеский долг, на первый взгляд, абсолютно эфемерен, поскольку у кредитора нет ни экономических, ни юридических рычагов для его возвращения или хотя бы для мести должнику. Давая твердые деньги, кредитор не получает взамен ни твердой вещи, ни даже эфемерной бумаги и, кроме того, не получает денег за свой товар — кредит. В результате в доверительном кредите ставка делается на нечто иное, выходящее за пределы современной экономической и юридической системы, трансцендентное ей. Это приобретает особое значение в ситуации экономической системы, понимаемой как не-

---

³¹ См. об этом: Т. Н. Грановский и его переписка. Т. 2. М., 1987. С. 306.

³² См. об этом в предыдущей главе.

справедливая и неэффективная. И то, что редактор и издатель журнала оказывается в доверительном долгу у людей, так сказать, составляющих круг журнала³³, формирует специфическую ситуацию эксперимента по созданию кредитных отношений иного типа.

Дело в том, что проблемы кредита занимали группу литераторов круга, близкого к «Современнику», не только практически, но и в теоретическом плане. Возможность иного взгляда на институт кредита открывала книга П. Ж. Прудона «Экономические противоречия, или Философия нищеты» (1846), ставшая чрезвычайно важным источником размышлений и идеологических построений для круга Белинского–Герцена в середине 40-х годов. Герцен в книге «Былое и думы» по значимости для духовного развития этих людей ставит Прудона и его книгу в один ряд с «Феноменологией духа» Гегеля: «Я думаю даже, что человек, не переживший «Феноменологии» Гегеля и «Противуречий общественной экономии» Прудона, не перешедший через этот горн и этот закал, не полон, не современен»³⁴. Идеи Прудона, по воспоминаниям Анненкова, вероятно, обсуждались в Соколове и в 1845, и в 1846 году³⁵. В «Современнике» была в 1847 году в №№ 8 и 9 опубликована статья Владимира Милютина «Мальтус и его противники», в которой пропагандировалась в том числе и прудоновская идея бесплатного кредита. В письме Некрасову 22 августа 1847 года В. Боткин оценивает эту работу не без иронии, хотя сам выбор Прудона для подражания он приветствует: «Статью о Мальтуса я не успел прочесть, но слышал от людей знающих, что она недурно составлена: большая часть ее переведена из книги Прудона: «*Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*», и выписки сделаны удачно»³⁶. Некрасов принял эту статью к печати под воздействием Белинского, видевшего в экономических взглядах Милютина большую близость к собственным. В частности, Белинский дает молодому экономисту высокую оценку в письме Боткину в начале ноября 1847 года: «Теперь есть еще в Петер-

---

³³ И эта ситуация, как минимум, внешне, радикально отличается от традиционной практики «закабаления» редактором сотрудников и «своих» литераторов путем предоставления им кредитов, практики, которую на себе очень отчетливо испытал Достоевский в отношениях с Краевским, например. Уточняя, скажем, что, вероятно, такая практика будет свойственна и Некрасову в отношениях с Тургеневым, позднее с Толстым, но «идеологически» оформлялась она всегда иначе.

³⁴ Герцен А. И. Собр. соч.: В 30-ти т. Т. 9. М., 1956. С. 23.

³⁵ См.: Анненков П. В. Воспоминания. С. 239.

³⁶ Переписка Н. А. Некрасова: В 2 т. Т. 1. М., 1987. С. 177.

бурге молодой человек Милютин. Он занимается *con amore* и специально политическую экономию. Из его статьи о Мальтусе ты мог видеть, что он следит за наукою и что его направление дельное и совершенно гуманное, без прекраснодушия. Правда, он пишет скоро, а потому многословно, часто повторяется, любит книжные, иностранные словца — принципы, аргументы и тому подобные мерзости; но это от молодости: он еще выпишется, и даже очень скоро, и даже очень скоро, ибо соглашается вполне насчет своих недостатков. Он начал у Краевского, перешел к нам, и есть надежда, что вовсе от него откажется. Я подал Некрасову мысль, так как на будущий год мы значительно раздвинем пределы библиографии, поручить ему в полную редакцию разбор книг по его части»³⁷.

Теория Прудона предлагала своеобразное решение стоявших перед Некрасовым проблем. Уже в «*Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*» Прудон, начиная с защиты ростовщичества («*Une autre question, non moins controversée que la précédente, est celle de «l'usure» ou du prêt à intérêt. L'usure, ou comme qui dirait le prix de l'usage, est l'émolument, de quelque nature qu'il soit, que le propriétaire retire de la prestation de sa chose. Quidquid Sorti Accrescit Usura Est, disent les théologiens. L'usure, fondement du crédit, apparaît au premier rang parmi les ressorts que la spontanéité sociale met en jeu dans son œuvre d'organisation, et dont l'analyse décèle les lois profondes de la civilisation. Les anciens philosophes et les pères de l'église, qu'il faut regarder ici comme les représentants du socialisme aux premiers siècles de l'ère chrétienne, par une conséquence singulière, mais qui provenait de la pauvreté des notions économiques de leur temps, admettaient le fermage et condamnaient l'intérêt de l'argent, parce que, selon eux, l'argent était improductif. Ils distinguaient en conséquence le prêt des choses qui se consomment par l'usage, au nombre desquelles ils mettaient l'argent, et le prêt des choses qui, sans se consommer, profitent à l'usager par leur produit. Les économistes n'eurent pas de peine à montrer, en généralisant la notion du loyer, que dans l'économie de la société l'action du capital ou sa productivité était la même, soit qu'il se consommât en salaires, soit qu'il conservât le rôle d'instrument ; qu'en conséquence il fallait ou proscrire le fermage de la terre, ou admettre l'intérêt de l'argent, puisque l'un et l'autre étaient au même titre la récompense du privilège, l'indemnité du prêt. Il fallut plus de quinze siècles pour faire passer cette idée, et rassurer les consciences qu'effrayaient les anathèmes du catholicisme contre l'usure. Mais enfin l'évidence et le vœu général étaient pour les usuriers; ils gagnèrent la bataille contre le socialisme, et des avantages immenses, incontestables, résultèrent pour la société de*

---

³⁷ *Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 9. С. 659.*

cette espèce de légitimation de l'usure»³⁸ / “Другой вопрос, вызывающий не меньше дискуссий, чем предыдущий, это «ростовщичество” или ссуда под проценты. Ростовщический процент или, как можно сказать, цена за пользование, это выгода какой бы то ни было природы, которую владелец извлекает, отдавая займы принадлежащую ему вещь. Quidquid Sorti Accrescit Usura Est, как говорят теологи. Ростовщический процент, лежащий в основе кредита, является одной из главных движущих сил, которые общество пускает в ход в целях организации, и при рассмотрении которого обнаруживаются глубинные законы цивилизации. Древние философы и Отцы Церкви, которых здесь следует считать представителями социализма в первые века христианской эпохи, вследствие исключительной непоследовательности, которая однако происходила от скудности экономических понятий того времени, допускали аренду, но осуждали денежный процент, ибо, по их мнению, деньги не могут приносить доход (досл. являются непроизводительными). Следовательно, они различали аренду (сдачу внаем) вещей, которые изнашиваются от употребления, среди которых они рассматривали деньги, и аренду вещей, которые, не изнашиваясь, приносят доход владельцу. Экономистам не составило труда, обобщая понятие аренды (платы за наем), показать, что в экономике общества действие капитала или его производительность — это одно и то же, будь он израсходован на зарплату или сохраняя он роль инструмента; что, следовательно, надо или запретить аренду земли, или разрешить денежный процент, поскольку и то и другое являются в равной степени вознаграждением за исключительное право, компенсацией за наем. Потребовалось более пятнадцати столетий для того, чтобы эта мысль распространилась и совесть, напуганная католической анафемой ростовщичеству, успокоилась. В конце концов очевидность и всеобщая воля встали на сторону ростовщиков; они победили в битве против социализма, и результатом такой легитимации ростовщичества для общества стали огромные, неоспоримые преимущества», в традиционной для него парадоксальной манере переходит к обвинению всякой прибыли, не основанной на труде: «C'est que toute valeur naît du travail, et se compose essentiellement de salaires; en d'autres termes, qu'aucune richesse ne procède originellement du privilège, n'a de valeur que par la façon, et qu'en conséquence le travail seul, entre les hommes, est la source du revenu. Comment donc concilier la théorie du fermage ou de la productivité du capital, théorie confirmée par la pratique universelle, et que l'économie politique, en

---

³⁸ Proudhon P. J. *Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*. Paris. 1872. P. 312–133.

sa qualité de routinière, est forcée de subir, mais sans pouvoir la justifier, avec cette autre théorie qui nous montre la valeur se composant normalement de salaires, et qui aboutit fatalement, comme nous le démontrerons, à l'égalité dans la société du produit net et du produit brut?»³⁹ — «Дело в том, что каждая стоимость рождается из труда и состоит преимущественно из заработной платы; в других терминах, никакое богатство не происходит из преимущественного права, имеет стоимость только таким образом, и, следовательно, только труд в человеческом обществе является источником дохода. Как же объединить теорию аренды или производительности капитала, теорию, подтвержденную всеобщей практикой, которую политэкономия в своем рутинном качестве принуждена принять, не имея возможности ее оправдать, с другой теорией, которая нам демонстрирует стоимость, которая складывается обычно из заработной платы и которая неизбежно приводит, как мы это покажем, к равноправию в обществе чистой прибыли и валовой прибыли?». В последующих трудах Прудон начинает уделять кредиту преимущественное внимание. Основа учения французского философа заключается в том, что необходимо исключить возможность функционирования денег как товара и как предмета накопления. Взимание процента по кредиту в качестве платы только за то, что деньги временно передаются другому лицу, представлялось Прудону главным злом, лежащим в основе экономических несправедливостей современного капиталистического общества (по «техническим причинам» мы знакомился с этой работой в английском переводе): «On the one hand, it is very true, as you have unquestionably established, that a loan is a service. And as every service has a value, and, in consequence, is entitled by its nature to a reward, it follows that a loan ought to have its price, or, to use the technical phrase, ought to bear interest.

But it is also true, and this truth is consistent with the preceding one, that he who lends, under the ordinary conditions of the professional lender, does not deprive himself, as you phrase it, of the capital which he lends. He lends it, on the contrary, precisely because the loan is not a deprivation to him; he lends it because he has no use for it himself, being sufficiently provided with capital without it; he lends it, finally, because he neither intends nor is able to make it valuable to him personally,—because, if he should keep it in his own hands, this capital, sterile by nature, would remain sterile, whereas, by its loan and the resulting interest, it yields a profit which enables the capitalist

---

³⁹ Proudhon P. J. *Système des contradictions économiques ou Philosophie de la misère*. P. 170.

to live without working. Now, to live without working is, in political as well as moral economy, a contradictory proposition, an impossible thing»⁴⁰ — «С одной стороны, это абсолютно верно, что, как вы неоспоримо показали, заем — это услуга. Поскольку же любая услуга имеет цену и, следовательно, по своей природе предназначена к тому, чтобы быть вознагражденной, постольку кредит должен иметь свою цену или, если использовать специальную терминологию, должен приносить прибыль.

Но верно также и то, и это не противоречит тому, что было сказано выше, что тот, кто дает в долг (при обычных условиях), не лишает себя того капитала, который он ссужает. Он дает займы, напротив, в точности потому, что ссуда не является для него лишением себя капитала, он ссужает его потому, что он не нуждается в этом капитале, оставаясь полностью обеспеченным и без того капитала, который он ссудил; он дает в долг, наконец, потому, что не собирается или не способен самостоятельно сделать его приносящим пользу, потому что если он будет держать его у себя, то этот капитал, бесплодный по природе, будет и оставаться бесплодным, в то время как с помощью его ссуживания и получения прибыли от него, капитал образует доход, который позволяет капиталисту жить, не работая. Между тем жить не работая в политической, так же как и в моральной, экономике означает внутреннее противоречие, такого не может существовать».

В качестве альтернативы Прудон предлагал установление беспроцентного кредита, даваемого прямо для приобретения конкретного товара. У денег, таким образом, оставалась бы только их способность быть посредником в обмене товарами и отнималась возможность быть товаром. Вексель, долговая бумага стала бы не предметом торговли и перепродажи, но как бы непосредственным выражением того полезного человеку товара, который он может с ее помощью приобрести. В результате чего деньги должны были превратиться исключительно в средство измерения сравнительной стоимости товаров. Постепенно отмена процента должна привести и к отмиранию самих денег, и к отмиранию необходимых юридических институтов, обеспечивающих выплаты по пустым ростовщическим бумажкам. Практическое применение идеи Прудона нашли в создании им с треском провалившегося Народного банка (был учрежден в январе 1849 года), но и этот провал не убедил русских поклонников Прудона в неверности экономических идей французского философа. Тот же Герцен напишет су-

---

⁴⁰ Proudhon P.J. *Intérêt et principal*. Paris, Garnier frères, 1850. Первое издание. Цит. по: http://dwardmac.pitzer.edu/anarchist_archives/proudhon/interestletter1.html

щественно позднее: «Сам Прудон попробовал было раз свою патологию и срезался на *Народном банке* несмотря на то, что, сама по себе взятая, идея его верна»⁴¹.

Таким образом, по Прудону, гарантией кредита становится не бумага, обеспеченная только судебными санкциями, и не вещь, отбираемая у должника и превосходящая сам кредит по стоимости, но вещь, приобретаемая берущим кредит. Кредит, не служит обогащению ни одной из сторон, но позволяет берущей стороне развиваться, реализовывать свои планы, удовлетворять свои потребности, при этом не обедняя кредитующую сторону, дающую деньги, которые у нее самой сейчас в избытке. Так и кредит Некрасову со стороны его друзей осмысливается не как акт благотворительности, но как предоставляемая из избыточных средств возможность осуществления важного и полезного предприятия. Так обоснованный кредит во многом преодолевает проблематичность отношений между кредитором и должником. Концепция Прудона представляла собой и решение этической проблемы в отношениях кредитора и должника⁴². Отрицая справедливость взимаемой за кредит платы, французский мыслитель упразднял и какое-либо нравственное превосходство кредитора над должником, какое-либо чувство обязанности, нравственного долга должника перед кредитором. По мнению Прудона, кредитор, временно ссужая другое лицо, сохраняет свои деньги, фактически оставаясь их владельцем. Он ничем не жертвует, значит, не совершает никакого благодеяния тому, кому одолжил деньги.

Такое осмысление кредита позволяло Некрасову одновременно быть должником большого количества людей, участвовавших в журнале, и быть их другом и равным им все время. Даже наоборот. Создавалось ощущение, что эти долги и кредиты только укрепляют ощущение доверия, которое царит в редакции, в журнале. Кредитно-денежные связи одновременно и трансформировали эти отношения, придавая им новое важное качество, противоположное прекраснодушию и «идеальничанию» — тому, на что так резко нападал Белинский в последние годы жизни (и за отсутствие чего он поощряет «направление» Владимира Милютина). Взаимоотношения, оставаясь дружескими, становятся практическими, деловыми, так сказать земными, а не оторванными от земли и витающими в небесах. (Более того, слово «кредит» становится обозначением нравственных качеств человека, обретает значение, синонимично

---

⁴¹ Герцен А. И. Собр. соч. Т. 10. С. 186.

⁴² Напомним знаменитый афоризм Прудона, в котором кредитные отношения становятся заменой религии: *Combien me devez-vous? combien vous dois-je? voilà ma religion et mon Dieu.*

доверию.) В языке Некрасова часто встречаем такие выражения, например, во фрагменте «В тот же день часов в одиннадцать утра...» (1855–1856): «Поэт в душе был богат — и вся компания раз в неделю у него ужинала с шампанским и трюфелями. Кроме того, в важных случаях он давал деньги взаймы, чем литераторы с кредитом нравственным, но не существенным, не упускали пользоваться» (8, 423–424). Другой окололитературный персонаж этого отрывка характеризуется тоже через кредит финансовый и кредит нравственный: «Практическая голова, принимавшая участие в одной акционерной компании, разошедшейся “вследствие неблагоприятного оборота дел” и приславшей своим акционерам вместо дивиденда счет, по которому приходилось приплатить порядочную сумму, — Практическая голова брала тем, что помогала литераторам, как людям трудящимся и способным приобретать, в крайних случаях извертываясь их же собственными средствами и доставать денег, когда уже другим путем достать их не было возможности. Она зналась с книгопродавцами, хорошо знала моральный кредит каждого литератора и, действительно, между ними была самая практическая голова» (8, 424–425).

Понятия кредита оказываются в самом центре нравственной проблематики, например в стихотворении «Нравственный человек» написанном в феврале 1847 года и опубликованном в № 3 «Современника». Среди мерзостей, совершенных главным героем, есть и такой поступок:

Приятель в срок мне долга не представил.
Я, намекнув по-дружески ему,
Закону рассудить нас предоставил;
Закон приговорил его в тюрьму.
В ней умер он, не заплатив алтына,
Но я не злюсь, хоть злиться есть причина!
Я долг ему простил того ж числа,
Почтив его слезами и печалью...
Живя согласно с строгою моралью,
Я никому не сделал в жизни зла (1, 58).

Использование юридической процедуры, основанной на вексельном праве, оказывается в данном случае нарушением человеческой морали, надругательством над святым чувством дружбы. В основе осуждения поступка «нравственного человека» неочевидная, с точки зрения здравого смысла, презумпция правоты должника, а не кредитора.

Именно в такой модальности строились отношения между редактором

«Современника» и его ближайшими сотрудниками и авторами вплоть до середины 50-х годов. Начало разрыва между Некрасовым и Тургеневым было ознаменовано попыткой последнего выяснить, какова была реальная ситуация в финансовой сфере, говоря проще, определить, кто из них кому должен. Так об этом говорит Анненков, чьи мемуары, очевидно, близко передают взгляды именно Тургенева на ситуацию: «Через несколько дней он (Тургенев. — М. М.) присоединил к отказу новое огорчение, потребовав в конторе «Современника» полного расчета за все старое время. Надо заметить, что с года основания журнала (с 1847 года), и даже прежде, существовали между ними счета дружеского характера, которые потом возросли и запутались до того, что Тургенев уже и не знал, под бременем какого долга он состоит у Некрасова или у журнала. В течение 12–13 лет он брал у них деньги, выплачивая то своими произведениями, то наличными суммами и не справляясь о равновесии уплат с займами. Можно думать, что это неведение коммерческой стороны дела ему под конец надоело. Другая сторона не торопилась исполнить его просьбу, может быть, и потому, что понимала выгоду, какую имеет всякий кредитор держать в некоторого рода зависимости своего должника. Но это уже был не старый Тургенев, которого все знали и который мог легко поддаться на всякую ловушку, а другой, гораздо более настойчивый и твердый. Так как он, видимо, не хотел более возвратиться к домашнему, безотчетному ведению своего литературного бюджета, то счет был предоставлен. Безропотное, покорное очищение его сделалось именно сигналом полного разрыва между старыми друзьями — Тургеневым и Некрасовым»⁴³. Ситуация долга Некрасова сотруднику переосмыслиется как ситуация долга сотрудника Некрасову. К разрыву ведет именно переопределение Некрасова-редактора как кредитора, а не должника. Формализация кредитных отношений оказывается смертельной для дружбы и сотрудничества⁴⁴.

Неформальное отношение между кредитором и должником квалифи-

---

⁴³ Анненков П. В. Литературные воспоминания. С. 408.

⁴⁴ Конец дружески-кредитным отношениям обозначило и приглашение И. А. Панаева заведовать конторой «Современника». С 1856 года он начинает вести конторские книги журнала и финансовые отношения в журнале формализуются (конечно, это не мешало и существованию «неформальных» отношений, но важно, что изменилась сама модальность этих отношений). См. об этом в статье: Рейсер С. Гонорарные ведомости «Современника» // Литературное наследство. Т. 53–54. Н. А. Некрасов. III. М., 1949. С. 230–233.

цировалось как *дельное*, *дельность* означала, прежде всего, способность дать, предложить что-то реально значимое, реально полезное. Дельность становилась заменой и векселю, и ценной вещи в качестве обеспечения кредита. Можно сказать, что дельность противопоставлялась прекраснодушию и неосновательности, прожектерству как нечто твердое и солидное эфемерному векселю. Так, Некрасов пишет Григорию Толстому в письме 1847 года: «Вы, казалось, так хорошо понимали важность в этом деле своевременного получения денег на журнал, Вы так ручались за себя, и Ваши уверения казались мне так дельными и несомненными, что я скорее боялся не получить денег от Панаева, чем от Вас» (14, 1, 66). (Вместо обещанных 25 тысяч серебром Толстой прислал вексель на половинную сумму). И далее: «При основании журнала мне <...> настоятельно нужны были деньги, а не вексель...» (14, 1, 66). Не пустую бумагу, вексель, а твердых денег ожидал Некрасов от Толстого, и поэтому его поведение сначала казалось ему дельным. В письме А. В. Дружинину 6 августа 1855 года, характеризуя Боткина (который как раз в это время помог Некрасову, дав взаймы на издание «Современника» 2000 рублей), Некрасов дает ему показательные характеристики: «Боткин — любезнейший для сожительства человек. К этому я должен прибавить, что он истинно хороший и истинно дельный человек. Это я ныне испытал на своей шкуре. Он принял кровное участие в неблестящем положении наших дел в нынешнем году — и помог нам и словом и делом» (14, 1, 209–210).

Эта дельность редакции и самого журнала в значении твердого обеспечения должна была стать и для подписчиков «Современника» своего рода залогом, заменяющим традиционные способы обеспечения кредита, укрепления доверия к журналу. Читатель должен быть уверен, что за свои деньги он получит нечто реально полезное, а не вексель, пустую бумажку. Журнал становится как раз такой полезной, важной для жизни вещью. И в том числе в этом контексте (а не просто элементарной конкурентной борьбы с Краевским и «Библиотекой для чтения») нужно рассматривать стремление Некрасова издавать журнал на хорошей бумаге, с политипажамы, сделать его как можно толще, насыщенной материалами. Это должно было стать гарантией того, что читатель дает свои деньги на солидное, серьезное предприятие, как бы кредитует дельных людей.

Понятие дельности становится ключевым и для содержания, характера материалов, ожидаемых публикой. Так говорит Подписчик в некрасовском стихотворении 1851 года «Деловой разговор»:

Не думайте, что мы трудов не ценим ваших:

Нет, дельный журналист — полезное лицо!
В вас благодетелей мы часто видим наших.
Мы благодарны вам за честные труды,
Которых видимы полезные плоды, —
Вы развиваете охоту к просвещению,
Вы примиряете нас с собственной ленью,
И вам всегда открыт охотно наш карман —
Нас опыт научил, что без статей журнальных
Осенних вечеров, дождливых и печальных,
Нам некуда девать! (1, 92)

Дельность подхода, современность, постановка современных, актуальных практических вопросов становится тем, что получает читатель за свои деньги. И этим «Современник» отличается от журналов, собирающих деньги за ничто, за бумагу, подобную вексельной. Образ такого журналиста дан в более позднем стихотворении «Журналист-рутинер» из цикла «Песни о свободном слове» (1865):

Условия прессы подцензурной
Поняв практическим умом,
Плохой товар литературный
Умел я продавать лицом,
Провидя смелые затеи,
Читатель упивался властью,
И дерзновенные идеи
Во мне подозревала власть.
(2, 228).

Наступившие либеральные времена здесь уподобляются пришедшему сроку расплаты по кредиту, предоставлявшемуся публикой «в ожидании будущих благ»:

Созрела мысль, проект составлен,
И вот он вышел, — я погиб!
Я разорен, я обесславлен...
Дух века и меня подшиб!
Еще не может быть исчислен
Убыток, но грозит беда:

Я больше не глубокомыслен,
Не радикал я, господа!
Не корифей литературы,
Теперь я жалкий паразит,
С уничтожением цензуры
Мгновенно рухнул мой кредит.
(2, 229–230).

В этих стихах слово «кредит», конечно, употребляется и в переносном, и в прямом смысле, так же как и сама форма финансовых жалоб имеет двойственный — и шуточный, и серьезный — характер.

Можно сказать, что дельность становится для Некрасова на первых порах едва ли не единственным критерием оценки произведения, заменяющим и эстетические и идеологические мерки, то есть критерием пригодности вещи для журнала. При этом, будучи достаточно неопределенным (как, впрочем, и любое качественное или оценочное понятие), это слово должно было быть для Некрасова наделено интуитивно понятным значением. Дело в том, что в рецензии на «Петербургский сборник» в № 3 «Отечественных записок» за 1846 год Белинский назвал именно «дельность» (вместе с современностью) важнейшим достоинством некрасовской поэзии. В данном случае сама краткость суждения очень значима. Не имея возможности подробно обсуждать стихи издателя сборника, в котором он сам напечатался, Белинский тем тщательнее и точнее выбирает слова для их характеристики и оценки: «Мелких стихотворений в «Петербургском сборнике» немного. Самые интересные из них принадлежат перу издателя сборника, г. Некрасова. Они проникнуты мыслию; это — не стишки к деве и луне; в них много умного, дельного и современного. Вот лучшее из них — «В дороге»⁴⁵. Учитывая хорошо известное влияние на него Белинского, невозможно преуменьшить значение этого суждения для самоопределения Некрасова как поэта (именно с этих стихов и с этой рецензии для него настало второе рождение как поэта), и как издателя журнала (именно тогда он всерьез начинает задумываться об этом предприятии). Можно с уверенностью сказать, что дельность — это то качество, которое отличало для него настоящую ли-

---

⁴⁵ Белинский В. Г. Собр. соч. Т. 8. С. 149.

тературу от неподлинной⁴⁶ и фальшивой⁴⁷.

В высказываниях Некрасова о качестве произведений, отбираемых для

---

⁴⁶ То, что это противопоставление пустого и дельного твердо ассоциируется у Некрасова с Белинским, показывают, в частности, следующие строки из поэмы «В. Г. Белинский» (1855):

Процесс развития — в России
Не чуждый многим — проходя,
Книжонки дельные, пустые
Читало с жадностью дитя,
Притом, как водится, украдкой...
Тоска мечтательности сладкой
Им овладела с малых лет...
Какой прозаик иль поэт
Помог душе его развиться,
К добру и славе прилепиться —
Не знаю я (4, 6).

⁴⁷ Интересно, что это слово появится в неопубликованной рецензии Дружинина на книгу «Стихотворения Н. Некрасова» (1856): «Даже многие из его преднамеренно-наставительных стихотворений нам нравятся, ибо они созданы без усилий и притянутой мысли, — мы очень хорошо знаем, что срок их славы недолог, но и за временное их влияние остаемся вполне благодарными. Этими стихотворениями он привил несколько дельных мыслей в обществе, ими развивает он массы людей малоразвитых и непривычных к пониманию поэзии. В них он был прям и искренен, ими достигнул он всего, что только можно было достигнуть с таким слабым орудием. Но не в дидактике значение Некрасова как поэта настоящего, поэта прочного. Это значение приобрел он энергией своего таланта, рядом картин, достойных кисти мрачного Рембрандта, сотнею строк, исполненных жизни и крови, запечатленных всегда свежим, всегда славным творчеством». И далее: «Для людей с прозаическим складом ума, но все-таки порывающихся в область поэзии, половина трудов Некрасова есть перл, чудо красоты, великое открытие, истинная находка! Над этими трудами они в первый раз могли сказать сами себе безо всякой неискренности: «Вот где поэзия, вот где мы все видим и понимаем!» Такой результат во многом полезен, ибо он не только навел целый клан незорких людей на дельные мысли, но добавил еще и подготовил их к некоторому, хотя крайне узкому, пониманию поэта. Для читателя он весьма утешителен, повторяем мы, но утешителен ли он для самого труженика, для высших проявлений его музыки?» — (Дружинин А. В. Прекрасное и вечное. М., 1988. С. 272, 274).

журнала, слово «дельный» в это время, вне всякого сомнения, является одним из наиболее часто используемых для положительной оценки. В письме от 5 августа 1847 года И. К. Бабсту, экономисту, много, кстати, писавшему о кредите, Некрасов просит: «Пишите библиографии московских книг — ваши разборы дельны и лучше не нужно» (14, 1, 76). В письме А. В. Никитенко 19 ноября 1847 года Некрасов замечает: «Пускай бы М<ихаил> С<еменович> написал другую статью, которая хоть была бы и не очень горазда, да похожа на дело — мы бы, дескать, таковую с удовольствием...» (14, 1, 88). Есть примеры употребления этого слова для оценки книг и в художественной прозе Некрасова того времени, например, в романе «Три страны света»: «Книжные издания тоже более или менее сопряжены с риском, и успех той или другой книги не может быть рассчитан на верное, при всем знании современных интересов читающей публики; бывает, что дельная и, по-видимому, нужная для всех классов книга остается не проданною в убыток издателю, а книга пустая расходуется в продаже быстро» (9, 2, 32).

Дельность остается центральным оценочным понятием вплоть до начала 50-х годов, когда сама идейная ориентация людей, вышедших из круга Белинского (и пришедших в журнал позднее, как Дружинин), начинает меняться от практического к эстетическому (особенно разительно эта перемена видна в эволюции взглядов Боткина, как раз в середине 50-х годов связанного с Некрасовым в том числе и «дельными» финансово-кредитными отношениями). В это время в словаре Некрасова-редактора и критика появляются и понятия из «эстетического» словаря, но и тогда дельность остается если не необходимым, то достаточным критерием достоинства текста и его пригодности для журнала. Так, например, в письме В. П. Гаевскому 19 апреля 1850 года есть такие слова: «В V № «Современника» набрано пропасть дельных, но сухих библиографических статей, а это единственная книга, о которой можно написать что-нибудь поживее» (14, 1, 135). Нечто подобное видим в его письме И. С. Тургеневу от 17 ноября 1853 года: «Посылаю тебе "Филантропа" — скажи мне о нем свое мнение. Этой вещи я не почитаю хорошою, но дельною — может быть, в деревенском единообразии чтение ее доставит тебе некоторое удовольствие хоть тем, что напомнит старое, — по крайней мере, я теперь вдруг вспомнил наши давние литературные толки, ту охоту, с которою я прочитывал тебе каждое мое новое стихотворение, и то внимание, с которым ты меня слушал» (14, 1, 183). В письме ему же от 9 октября 1854 года Некрасов говорит следующее: «Я стою на том, что книга хороша («Песни разных народов», из-

данные Базуновым и переведенные Бергом. — М. М.) и может занять даже и не в дороге. Вместе с этим письмом я пошлю записку к московскому Базунову, чтоб он тебе ее выслал. Из нее ты узнаешь — впрочем, мне некогда много писать, но ты сам увидишь, что, кроме дельности, книга имеет большое литературное достоинство — в ней встречаются настоящие перлы поэзии» (14, 1, 192). Л. Н. Толстому Некрасов пишет 17 января 1855 года: «Кстати, в 1 № “Современника” напечатал я статью Анненкова “По поводу последних произведений Тургенева и Л. Н. Т.”; в ней вы найдете несколько дельных замечаний о себе — она высказывает несколько мыслей, на которые наводят Ваши произведения» (14, 1, 198–199). В письме И. С. Тургеневу 30 июня — 1 июля 1855 года понятие дельности переносится уже на всю русскую литературу, становится критерием, по которому она оценивается в целом: «Я вообще азартно предаюсь чтению и обуреваем с некоторого времени жаждой узнать и того, и другого, да на русском ничего нет, особенно поэтов; а если и есть, то 20–30-х годов. В этом отношении литература русская 20 лет назад была дельнее». (14, 1, 205)

Так экономические условия (специфика журнала как экономического института, предприятия, основанного на кредите, необходимости прибегать к займу у людей, близких к журналу, в сочетании с неразвитостью частного кредита, юридических и экономических институтов, его обеспечивающих) преобразуются в концепцию «Современника», становятся основой для его «направления». Эта концепция принадлежит и самому Некрасову, и одновременно является плодом коллективного «экономического» и идеологического творчества литераторов, критиков и ученых, близких Белинскому и благословленному им журналу. Это «направление» основано на провозглашенных Белинским принципах «дельности» и «гуманности», но без «идеальничания». И эта концепция определяет и внутренние экономические и человеческие отношения внутри редакции «Современника», и отношения между редакцией и литераторами, и между журналом и подписчиками. Дельность, принятая в качестве критерия оценки качества текстов и выбора произведений для публикации, позволяла Некрасову и интуитивно, и одновременно вполне осознанно вести журнал в одном направлении, создавая ему лицо, быстро и надолго признанное читателями как уникальное. Стремление отбирать дельное и отбрасывать пустое в конечном счете позволяло Некрасову творить свой журнал по тем же законам, что и свое собственное творчество.